

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ТЕМНАЯ
ВОДА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Корсакова, Татьяна.

К69 Темная вода / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-242883-8

Это мрачное, затерянное в лесах, озеро не зря носит название Темной воды. В нем не плещется рыба, не летают над ним птицы, а в округе, как рассказывают местные жители, бродит ужасная красноглазая тварь. Никто не рискует селиться в проклятом месте.

Не по своей воле приехала сюда Нина вместе с маленьким сыном. Они бегут от опасности, преследующей их по пятам, вот только спасение или еще большие неприятности ждут беглецов у Темной воды, да еще в русалью неделю, когда грань между мирами истончается и наступает время темных сил?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242883-8

© Корсакова Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Интернет и навигатор подвели. И тот, и другой обещали Нине легкую прогулку по торной дороге. Не обманула лишь толстомордая тетка в кассе автовокзала. Сплюывая в горсть шелуху от семечек и поглядывая на Нину снисходительно и вместе с тем раздраженно, тетка сказала правду:

— В Загорины рейса сегодня не будет!

— Как это не будет? — Нина смертельно устала за эти почти двое суток пути. Хотелось лишь одного: лечь и не шевелиться. Может, она бы так и сделала, если бы не Темка. Темка стоял рядом, одной рукой крепко держал Нину за штанину джинсов, а второй цеплялся за лямку рюкзака. — А как же местные туда добираются?

— Как умеют, так и добираются. — Тетка-кассир поправила пышную грудь, вздохнула о чем-то своем. — Кто как!

— А варианты? — Нина все еще надеялась на варианты и здравый смысл. Нужно же было надеяться хоть на что-нибудь!

— Какие варианты?! — Раздражения в теткин голосе стало заметно больше, чем снисхождения. Тетке они с Темкой начали надоедать. — Пешкодралом — вот

ваши варианты! — Она перевалилась через стойку, глянула на Темку, и голос ее чуть потеплел: — До окраины можно на рейсовом городском, а там ножками. Или попутку какую словите. Если сердобольный кто попадется, так и денег не возьмет.

Если сердобольный... Давненько в Нининой жизни не встречались сердобольные. Всякие-разные встречались, кроме сердобольных. И силы ее уже на исходе. И ее, и Темкины...

— Может быть, гостиница? — спросила она с надеждой. Если силы на исходе, то их стоит накопить, передохнуть перед финальным рывком. А в Загорины можно и завтра, с утренним рейсом.

— Гостиница? — Выщипанные в нитку теткинны брови взметнулись в неподдельном изумлении. — Какая в нашем захолустье гостиница?! Пять лет уже как закрыта.

— А как же нам?.. — Вопрос был риторический, но тетка на него ответила:

— Я же сказала как. Пешкодралом. К вечеру, глядишь, и дотопаете.

К вечеру. А сейчас на часах — пятнадцать тридцать. Уточнить бы еще, когда в этом медвежьем углу начинается вечер. Но Нина не стала.

— Темка, пойдем. — Она не без труда оторвала от земли рюкзак, взяла сына за руку.

Отошли они недалеко, примостились на лавочке в тени старого вяза.

— Мороженое хочешь?

Тема кивнул. Можно было и не спрашивать, четырехлетние мужики не отказываются от мороженого. А ей нужно купить воды. Если повезет, то холодной. А потом свериться с навигатором. Сейчас, пока еще есть доступ

к интернету. Что-то подсказывало Нине, что доступ этот может закончиться в любой момент.

Получалось, что от конечной городской остановки до Загорин не то чтобы рукой подать, но и не так уж далеко. Шесть километров вот по этой, почти прямой дороге. Без Темки да в былые годы Нина преодолела бы это расстояние на раз-два, а сейчас придется потратить пару часов. Всяко лучше, чем ночевать с ребенком на вокзале.

Вот только навигатор обманул! Прямой путь оказался далеко не самым торным и, кажется, совсем не используемым. А ведь была другая дорога, раза в два длиннее, но, по всему виду, куда более востребованная. Вернуться бы, начать путь сначала. Но сколько ж можно мотаться туда-сюда с маленьким ребенком...

— Темка, ты как? — Нина присела перед сыном на корточки, заглянула в глаза. Ответа она не ждала, ей хватило взгляда. Темка был готов терпеть невзгоды и лишения. — Я не смогу взять тебя на руки, сына.

Не сможет. Если только на плечи, но за плечами — рюкзак. А навигатор врет...

Сын привычным жестом взял Нину за штанину, потянул за собой. Славный мальчик. Еще совсем кроха, но уже почти мужчина. Должно же было в ее жизни случиться хоть что-то хорошее! И вот случился Тема.

Если бы не усталость и не рюкзак, который наливался свинцовой тяжестью с каждым шагом, эта дорога могла бы показаться приятной. Легкий ветерок, пение птиц, тонкий аромат луговых трав. Еще бы тучку, чтобы спрятать солнце хоть на время, а еще лучше до конца пути. С тучкой стало бы не так жарко, не так утомительно. Но на то оно и лето, чтобы солнце светило вовсю. Придется терпеть.

Запряженную в телегу пегую лошадку первым увидел Тема. Увидел и требовательно дернул Нину за руку, заставляя остановиться и обернуться. И телега, и лошадка, и управляющий ею мужичок были еще далеко и казались игрушечными. Но если подождать... Тема никогда не катался на лошади. Сама она, кстати, тоже.

Ждать пришлось недолго. Нина только и успела, что напоить водой сына и сделать пару глотков из пластиковой бутылки.

— Это кто у нас тут?

Мужичок при ближайшем рассмотрении оказался дедом, с виду еще вполне себе бодрым и крепким. Поливший от солнца льняной картуз он залихватским движением сбил на затылок, поскреб редкую рыжую бороду. Лошадка громко фыркнула, зашлепала губами и потянулась к Теме. От такого дива сын замер с открытым ртом, но не испугался, даже погладил лошадку по носу.

— Не бойсь, малец! — сказал дед весело. — Моя Натуська мелюзгу не обижает.

Тема его не слушал, Тема обеими руками обхватил лошадку Натуську за морду.

— И ты не бойсь, девка. — Дед перевел взгляд с Темы на Нину. — Натуська дисциплине обучена, разумеет, что к чему. А вот пусть твой малец ее угостит! — На шершавой дедовой ладони как по волшебству появился кусочек рафинада, и Натуська тут же раздула ноздри. Наверное, в предвкушении. — Давай-ка, малец, подставляй руку. — Дед ловко выбрался с телеги, встал рядом с Темкой. — Сначала мне подставляй, потом ей. Очень она это дело уважает.

Дважды просить не пришлось ни Темку, ни Натуську, а дед уже снова с внимательным прищуром смотрел на Нину.

— Куда это ты, красавица, с малым дитем да по такой глухомани?

— В Загорины. Вы нас не подбросите? — Быка нужно было брать за рога. Или Натуську за гриву.

— В Загорины?! — Дед присвистнул. — Не ту дорогу ты выбрала, красавица. Считаю, повезло, что меня встретили. Машины тут не ездят, а пешком бы вам с мальцом еще пилить да пилить.

— Я это уже поняла. — А еще она поняла, что дед их с Темкой в беде не бросит, и сразу стало как-то легче дышать. Хоть дышать полной грудью у Нины в последние два дня не получалось. Как и не получалось крепко обнять Темку. Но об этом сейчас думать не нужно. Сейчас лучше думать о том, что цель близка и скоро они с сыном смогут наконец передохнуть.

— Ну, коли в Загорины, так залезайте. Подвезу! Давай-ка, малец, подмогну! — Дед сделал шаг к Теме, но Нина заступила ему дорогу.

— Я сама. Спасибо.

У нее хватило сил и на то, чтобы посадить сына в телегу, и на то, чтобы забраться самой, и на то, чтобы не застонать от боли. Все хорошо. Цель близка.

— Ну, сама так сама. — Дед глянул на нее искоса и тоже утвердился в телеге, легонько потянул за вожжи, прикрикнул: — Натуська, вперед!

Пару минут ехали в молчании. Этого Нине хватило, чтобы прийти в себя и восстановить дыхание. А еще помогла таблетка обезболивающего, украдкой запитая минералкой.

— Меня Семен Петровичем звать. — Дед заговорил первым, снова искоса глянул на Нину. — А ты кто такая будешь, красавица? По виду не из местных. Местных-то я всех знаю. Из дачников, что ли?

Можно было соврать, что из дачников, но Нина не стала. Ей еще здесь жить. Возможно, не один месяц.

— Мы к Ольге Васильевне Шипциной. Вы знаете такую?

— К Шипичихе, что ли?! — Семен Петрович утерся картузом, который снова водрузил на макушку. — Так кто не знает Шипичиху?! Та еще ведьма, я тебе скажу. — Он осекся, фыркнул почти так же, как Натуська, и спросил: — А кто она вам? Что-то я не припоминаю, чтобы у Шипичихи родня была.

— Мы знакомые. Старые знакомые.

— Старые. — Семен Петрович усмехнулся. — Ну, Шипичиха так та точно не молодка. Хотя были времена...

Он замолчал. Наверное, задумался о былых временах. Нина тоже задумалась. Ей много предстояло обдумать и многое решить. Вот хотя бы что сказать загадочной Шипичихе, с которой они если и были знакомы, то так давно, что Нина успела все забыть.

...Она многое забыла, почти все. Если бы не потрепанная картонная папка с документами, она бы не вспомнила ни про Загорины, ни про Шипичиху, ни про... дом. Сказать по правде, в прошлой жизни папка эта Нину раздражала, как раздражает путника острый камешек в сандалии. Выбросить бы и забыть окончательно. Но кто-то мудрый когда-то сказал, что запас беды не чинит, и Нина документы сохранила. Вот только папку запрятала так далеко, что, когда случилась та самая беда, едва ее отыскала. Но отыскала, и слава богу! А дальше уж как-нибудь. Ей бы поспать. Хотя бы прилечь на часок. Почти двое суток без сна вымотали ее донельзя. На ногах Нина держалась только благодаря анальгетикам и силе воли, обычных сил почти не осталось.

Кажется, она и задремала, уткнулась лбом в рюкзак, прикрыла на мгновение глаза, а когда открыла, все вокруг изменилось. Не было больше луга с травой по пояс, дорога теперь змеилась между вековыми соснами с «подшерстком» из молодых осин и берез. Лес был густой, древний, но одновременно светлый. Солнце прорывалось сквозь разлапистые сосновые ветки до самой земли, рассыпало яркие пятна по зеленой моховой подложке, золотило и заставляло сочиться смолой стволы сосен. Пахло вкусно: немного этой самой смолой, немного сырой землей, немного травами.

— Придремала? — Семен Петрович глянул на нее через плечо. Ответа он не ждал, просто констатировал факт.

— Придремала. — Нина хотела было потянуться, но вовремя остановилась. — Адолго еще? — спросила, оглядываясь по сторонам.

— Скоро уже. Да вот, считай, приехали.

Впереди и в самом деле посветлело, сосны отступили от дороги. Да и сама дорога сделалась шире и презентабельнее. А вдалеке уже виднелась деревня. Самое ее начало: дома под покатыми крышами, палисадники с кустами сирени и жасмина. Значит, и в самом деле почти приехали.

— Шипичиха как раз на окраине обитает. — Семен Петрович снова утерся картузом, словно встреча с Шипичихой была для него тем еще испытанием. — Наособицу живет. Всегда нелюдимой была, а под старость лет так и вовсе одичала. Я вас это... я вас высажу у ее дома, а сам того... по делам поеду. Лады, красавица?

— Конечно! Спасибо вам большое, Семен Петрович. Вы нас очень выручили.

— Выручил... — проворчал он себе под нос. — Это еще подумать нужно, выручил али в самое логово к старой монстре привез.

Нине хотелось сказать, что Семен Петрович не видел настоящих монстров, не имел с ними дела, но она не стала, вместо этого попыталась сунуть деду денег, но тот неожиданно отказался, кажется, даже оскорбился.

— Ты сдурела, девка?! Кто ж за такое деньги берет? Ну, выручил и выручил. Нам с Натуськой не в тягость, а мальцу твоему забава. Ты думаешь, это я Натуськой правил, пока ты спала? Нет, это он Натуськой правил. — Семен Петрович подмигнул Темке. — Натуська у меня мировая лошадь, считай, боевая подруга. Понимает меня поллучше, чем иная баба своего мужика. Так-то! Ну, вот мы и приехали. Вона ее логово! — Он указал рукой на выглядывающую из-за зарослей шиповника избушку. С виду избушка совсем не походила на логово монстры. Впрочем, на пряничный домик она тоже не была похожа. Наверное, из-за своей очевидной, бросающейся в глаза старости. И только ярко-голубой забор палисадника выбивался из общей картины запустения. Забор был явно новый, свежеекрашенный.

С телеги Темка спрыгнул сам, Нине осталось лишь стянуть на землю рюкзак. Вот они и добрались. Куда добрались, пока неясно, но ждать осталось недолго.

Покосившаяся деревянная калитка была не заперта, но войти Нина не решилась. Из щели между калиткой и землей за ними внимательно и сторожко наблюдала собака. Сначала просто смотрела, а потом зашлась звонким лаем. Темка вздрогнул, вцепился в Нинину руку.

— Не бойся! — Судя по голосу, собака была не крупной, но Нина на всякий случай задвинула сына себе

за спину. — Ты только не бойся, Темка. Сейчас она замолчит.

А и правда замолчала. Тявкнула в последний раз и затихла. Зато тут же послышался сиплый старушечий голос:

— Чего брешь, Найда?! Кого там нелегкая принесла?

Нелегкая принесла их с Темкой. Принесла и бросила на пороге вот этого старого, неприветливого дома. Теперь уж только вперед, назад им дороги нет.

— Здравствуйте! — сказала Нина громко и рукой приветственно взмахнула. Просто так, на всякий случай. — Можно вас побеспокоить?

Получалось некрасиво и жалко. Типа сами мы не местные, помогите, чем можете.

— Нельзя! — буркнула невидимая старуха и решительно распахнула калитку. — Нельзя меня бес... — Она не договорила, уставилась на Нину с Темкой очень внимательным, не по-стариковски острым взглядом.

Сама она была рослой, даже высокой. Время оставило следы на ее испещренном глубокими морщинами лице, иссушило кожу, но пощадило осанку. Наверное, в молодости она была красива. Даже наверняка красива. Но характер... Что там говорил Семен Петрович про монстру?..

— Заходите! — велела вдруг старуха и пошире распахнула калитку. — Найда, свои! — сказала, проходя мимо некрупной, лохматой собачонки, и, не оборачиваясь, добавила: — Не чаяла я тебя тут увидеть.

Не чаяла. Нина и сама не чаяла, но так уж вышло, так уж жизнь распорядилась. Что уж теперь?

Не выпуская Темкину руку, она аккуратно прикрыла калитку, по узкой тропинке прошла вслед за хозяйкой

к покосившемуся крыльцу. Собака Найда молча потрусила следом.

— Мешок свой тут кидай! — велела Шипичиха. По всему видно, это была именно она. — Руки мойте. — Она кивнула на железный рукомойник, прибитый прямо к стене дома. — И входите.

И снова она не стала их дожидаться, исчезла в полумраке сеней, загрохотала чем-то железным.

Руки мыли долго. Темке было интересно, как работает рукомойник. Не видел он в своей городской жизни такого дива. Пришлось показывать и объяснять, а потом почти силой тащить сына в сени. Рукомойник его впечатлил!

В сенях было прохладно. Двигаться пришлось почти на ощупь, после яркого солнца глаза не сразу привыкли к полумраку. Но стоило только переступить порог комнаты, как свет снова взял верх над темнотой. Здесь было чисто и уютно. Свежепобеленная печь белым пятном выделялась на фоне старых обоев в цветочек. Занавески на окне тоже были белые, с вышивкой. За ними мерно гудела оса, искала выход. На подоконнике стоял цветущий куст герани. Даже на расстоянии Ника почувствовала его острый металлический аромат. В ее доме никогда не было герани. В ее доме вообще не было живых цветов, но этот аромат оказался ей откуда-то знаком.

— Садитесь! Сейчас есть будем. — Шипичиха указала на стол, застеленный клеенчатой скатертью, придвинула к Темке высокий самодельный табурет. — Как звать? — спросила, отходя к печи.

— Нина.

— Не тебя. Малого как звать?

— Тема. Артемий. — Не то чтобы старуха ее пугала, но вот эта манера общения... К ней еще нужно было привыкнуть.

— Значит, пацан. — Старуха возилась у печи, а Темка смотрел на нее во все глаза. Для Темки печь была сродни рукомойнику и лошадке Натуське — неведомое и страшно интересное. Нина тоже смотрела. Разговор о самом главном им еще предстоял, но Шипичиха явно не спешила его начинать. Шипичиха не спешила, а сама Нина отчего-то боялась. — Ну, пацан — это даже хорошо. Может, и обойдет стороной...

Что обойдет стороной? Спросить бы, да только сил нет. Силы истаяли в тот самый момент, как Нина устало опустилась на второй самодельный табурет. Опустилась, притулилась плечом к стене, замерла. Еще бы глаза закрыть.

— Эй, ты не спи, не спи!

Кажется, глаза она все-таки закрыла. Мало того, что закрыла, так еще и задремала. Потому что, когда очнулась, стол был уже накрыт, а старуха сидела напротив, сверлила тяжелым, пристальным взглядом.

— Ешь! — Она придвинула к Нине тарелку с яичницей, посыпанной мелко нарезанным укропом. Темка уже уплетал свою порцию, вид у него был совершенно счастливый. Может, и обойдет стороной...

Нина дернулась, больно приложились боком к краю стола, застонала. Старуха молча покачала головой и так же молча вернулась к печи, вытащила из ее черного нутра исходящий паром чугунок, бросила в него щепотку какой-то травы, снова сунула чугунок в печь.

— Плохо, — сказала, возвращаясь обратно к столу.

— Что — плохо? — Боль в боку уже почти унялась, а когда удастся выпить обезболивающего, станет совсем хорошо. Хотя бы на время.

— Плохо, что ты вернулась, Нина. Сама вернулась, малого привезла...

Она узнала ее сразу, поняла, кто явился непрошеным гостем на порог. Вот только откуда? Они не виделись раньше. А если и виделись, то так давно, что Нина уже успела забыть. Она забыла, а старуха, значит, помнила. Мало того, сумела распознать в незнакомой приبلудной девице ту маленькую девочку, которой Нина когда-то была.

— Нам больше некуда деваться. — Не нужно оправдываться. Ей нужно лишь забрать у Шипичихи ключ и разузнать дорогу. Она пришла за своим, и содержимое картонной папки — лучшее тому доказательство. Но вот сидит, заедает нереально оранжевый желток круто посоленной краюхой черного хлеба и оправдывается. Перед чужим человеком оправдывается. Это от усталости. Потеряла бдительность и контроль, расслабилась.

— Думаешь, это хорошее место? — Шипичиха усмехнулась, а потом ловким движением прихлопнула осу полотенцем.

Екнуло сердце. То ли от неожиданности, то ли от неопределенности.

— Думаю, это единственное место, — сказала Нина тихо.

— Единственное место для чего? — Шипичиха не договорила, многозначительно глянула на Темку.

— Для меня. — Получилось коротко и решительно. — И выбора у меня другого нет.

— Выбора, значит, нет. А деньги?

— А деньги есть.

У нее и правда были деньги. Достаточно, чтобы начать новую жизнь и продержаться на плаву хотя бы первое время.

— Почти четверть века там никто не жил. — Старуха говорила задумчиво, ни на Темку, ни на Нину боль-

ше не смотрела. — Я приглядывала поначалу, пока силы имелись. А потом решила, что никто больше не вернется.

— Я вернулась.

— Вижу.

— Его разграбили, да?

— Разграбили? — Шипичиха усмехнулась. — Кто ж туда сунется? В такой-то дом...

Такой дом... А что в нем такого? Старый? Ветхий? Еще более старый и ветхий, чем вот эта избушка? Сердце сжалось, но не от испуга, а от какого-то другого, пока еще не до конца понятного чувства. Ничего! Они справятся! Они и не с таким справлялись. Пытаются справиться...

— А он далеко?

— Дом-то?

— Дом.

— Ну, как сказать? Кому-то далеко, а кому-то рукой подать.

Загадки. Ей вот еще загадок не хватает. Нет, Нина не ждет от этой незнакомой женщины помощи, но и рады сейчас ни к чему.

— На-ка, выпей! — Шипичиха поставила перед Темой стакан с молоком. — Выпей да глянь-ка, что у меня есть!

На столе, будто из ниоткуда, появилась проржавевшая по краю ребер металлическая юла. Старая и знакомая. Хотя откуда знакомая?

Легкий взмах руки — и юла завертелась на столе, привлекая внимание, завораживая...

— ...Нравится? — Голос Шипичихи доносился словно издалека.

— Нравится, — сказала Нина, а Тема молча кивнул.

— Ну, если нравится, так забирайте себе. Мне уже без надобности. — Старуха придвинула остановившуюся юлу поближе к Теме, а на Нину глянула как-то слиш-ком уж внимательно. — И ты выпей! — сказала и плеснула в чашку отвара из чугунка.

— Зачем? — Отвар пах чем-то горько-пряным, вполне приятным.

— Пей!

Она ничего не объясняла и ничего не рассказывала — эта странная старуха. И косилась неодобрительно, словно узнала про Нину что-то плохое или стыдное. А если и вправду узнала?

— Пей, поможет!

Спросить бы, от чего поможет, но услышать ответ страшно. Ей в последнее время постоянно страшно. И страшнее, кажется, уже быть не может. В конце концов, не отравят же ее!

Отвар был почти безвкусный, с едва заметной горчинкой. После первого осторожного глотка Нина выпила всю чашку.

— С собой дам. — Шипичиха уже заворачивала в кусок пожелтевшей газеты пук сушеной травы. — Дня три позавариваешь, и все пройдет.

Хотелось сказать, что за три дня и без отвара все пройдет, но иногда лучше промолчать. В их с Темкой случае вообще лучше молчать. А травка не навредит. Наверное, не навредит. Но в интернете лучше посмотреть, что за травка такая. Если только в этой глуши ловит интернет.

— И постельное белье дам. На первое время, тебе и малому. Потом постираешь и вернешь, как своим обзаведешься. Посуда там, кажись, была. И баллон газовый. — Шипичиха кружила по комнате, словно так ей было проще думать. Нина ее понимала, ей и самой лучше

думалось в движении. — Поесть соберу. На вечер и утро вам хватит. Где магазин, покажу по дороге. У нас тут поблизости супермаркет открыли для дачников. Там, правда, дорого, но зато все есть, а ты ж говоришь, что при деньгах.

Не надо было рассказывать про деньги. Дернул же черт за язык. Что она знает про эту старуху? Да ровным счетом ничего! И не знала бы еще сто лет, если бы не случилось то, что случилось.

А Шипичиха уже нацепила на нос очки и с сосредоточенным видом набирала номер в стареньком мобильном. Значит, есть и в этой глуши цивилизация. Раз мобильная связь есть, будет и мобильный интернет.

— Ну, поели? — Она глянула через плечо.

— Поели. Спасибо!

— Раз поели, так сейчас и пойдем.

Телефон в ее руке ожил, забубнил что-то неразборчивое, кажется, мужским голосом. Шипичиха долго не слушала, сказала резко и раздраженно:

— Яков, я тебя часто прошу?

Трубка снова забормотала.

— Вот! А сейчас прошу! У тебя десять минут!

И отключила связь. А мобильник полным раздражения жестом сунула в карман кофты.

— Сейчас явится, — сказала, ни к кому не обращаясь. — А то взял, понимаешь, моду! Во двор пойдем, подышим воздухом.

Воздух в этой глуши везде был замечательный, что в доме, что во дворе. Нина и не знала, что дышать можно так вольготно, полной грудью. Она бы так и дышала, если бы не боль.

А Темка бесстрашно сунулся к собаке Найде. Нина дернулась следом, но Шипичиха остановила ее взмахом руки:

— Не бойся. Не обидит. Это она с виду только грозная, а на самом-то деле толку от нее — чуть. Лает, но не кусает.

Найда и не лаяла, лежала смирно, довольно шурилась, когда Темкина ладошка касалась ее покато́го лба. Не обидит. Теперь Нина тоже это понимала. Откуда понимала, непонятно. Просто родилось у нее такое вот знание.

А вдали уже слышался рев мотора. Ну как рев — скорее ворчание. На поросшую подорожником дорогу выполз старый «уазик», фыркнул, замер чуть поодаль. За рулем сидел дочерна загорелый, наголо бритый мужчина. Возраст его было не разобрать из-за расстояния и дешевых солнцезащитных очков-авиаторов. Он не стал выбираться из салона, только дверцу приоткрыл.

— Вот он я, Васильевна! Явился по первому зову! — сказал си́плым, прокуренным голосом.

— Так уж и по первому, — проворчала старуха, а потом обернулась к Нине и пояснила: — Это Яков Мережин. Он из охотнадзора. Или как нынче эта их контора называется, не знаю.

— Да как ни назови, Васильевна, — один хрен! — хохотнул Яков. — Работы — завались, а денег — хренушки! Так чего вызывала? Куда везти?

— К Темной воде. — Шипичиха тронула Темку за плечо, и тот — удивительное дело! — никак не отреагировал. То есть вообще никак!

— К Темной воде? — Яков больше не ухмылялся. Из-за очков Нина не могла видеть его глаз, но охватившую мужчину тревогу почувствовала тут же. — Может, все-таки к Светлой?

— Сказала же, к Темной.

— Сама решила? — спросил он осторожно.

— Сто лет мне нужно. — Шипичиха мотнула головой, а потом указала на Нину: — Вот хозяйка объявилась.

— Ты погодь... — Яков пошарил в бардачке, закурил. Нине показалось, что загорелые руки его подрагивают. — Какая такая хозяйка?.. — И хрипотцы в голосе прибавилось.

— Обыкновенная, с документами и правами на собственность. — Старуха сделала шаг к «узику». Собака Найда встрепенулась, потрусила следом. И Тема тоже пошел, как привязанный.

— Так ведь это... — Теперь Яков рассматривал Нину очень пристально. Собственно, только на нее и смотрел.

Она тоже смотрела, изучала. Он был уже не молод, но еще и не стар. Крепкий мужик лет пятидесяти. Снял бы очки, сказала бы точнее, а так приходилось гадать. На нем были плотные камуфляжные штаны и вылинявшая майка цвета хаки. На его жилистой загорелой шее тускло поблескивал железный жетон по типу армейского, а на левом запястье виднелась затертая татуировка.

— Это как понимать, Васильевна? — Он глубоко затянулся сигаретой и взмахнул рукой, разгоняя облачко дыма.

— Да вот так и понимай. И хватит уже болтать, дело к ночи.

— Так вот и я говорю, дело к ночи, а ты их к Темной воде. Сдурела, старая?

— А я говорю, хозяйка она! — Шипичиха повысила голос. — И не по бумагам, а вразправду.

— Так ведь говорили...

— Люди всякое говорят! Больше слушай! — Старуха обернулась, строго глянула на ничего не понима-

ющую Нину, проворчала: — Ну, чего стала? Садитесь с мальцом на заднее сиденье!

На заднем сиденье «уазика» было тесно и душно. А еще пыльно до такой степени, что Нина не удержалась, чихнула.

— Будь здорова. — Яков посмотрел на нее в зеркальце заднего вида.

— Спасибо. — Нина вежливо улыбнулась.

— У меня только один вопрос. — Яков обернулся к усевшейся на пассажирское сиденье Шипичихе. — Она знает?

— Узнает. — Старуха мотнула головой и отвернулась.

А Нине захотелось спросить, о чем это они. О чем вообще весь этот странный, состоящий из сплошных недомолвок диалог? Вот только сердце подсказывало, что Шипичиха не ответит и Якову не позволит. Ничего, придет время — она сама все узнает. Ей бы только отлежаться, передохнуть, прийти в себя. А там можно и загадки поразгадывать.

Ехали молча. Яков больше не задавал вопросов, лишь изредка поглядывал на Нину. Очки свои он не снял, но она почему-то все равно знала, что поглядывает. Ну и пусть! Она тоже посмотрит. В окошко на окрестности. Окрестности тут интересные. Загорины на поверку оказались довольно большой деревней, с собственной инфраструктурой. Пока ехали, Нина успела заметить и двухэтажное кирпичное здание сельсовета, и с виду новую или недавно отремонтированную школу, и ФАП, и продовольственный магазин с дремлющими у крыльца собаками и припаркованными велосипедами, и сельский клуб с афишной тумбой. Тумба была заклеена не то афишами, не то листовками, а не то и вовсе